

Иван Быкович — вариант 1

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златоперый ерш плавает; коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златоперого. На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первой ж тонею попался златоперый ерш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златоперого с рук на руки: "На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся".

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала. И вот разом забрюхатели: и царица, и ее любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки - Иван кухаркин сын, у коровы Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам, как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто - кухаркино и кто от коровы родился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит белье переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится. По десятому году пришли они к царю и говорят: "Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов". Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами ее повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор. "Ну, братцы, - говорит Иван-царевич, - давайте силу пробовать: кому быть большим братом". - "Ладно, - отвечал Иван Быкович, - бери палку и бей нас по плечам". Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана кухаркина сына да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван кухаркин сын ударил - вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил - вбил обоих братьев по самую шею. "Давайте, - говорит царевич, - еще силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит - тот будет больший брат". - "Ну что ж, бросай ты!" Иван-царевич бросил - палка через четверть часа назад упала, Иван кухаркин сын бросил - палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил - только через час воротилась. "Ну, Иван Быкович! Будь ты большой брат".

После того пошли они гулять по' саду и нашли громадный камень. "Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть?" - сказал Иван-царевич, уперся в него руками, возился-возился - нет, не берет сила; попробовал Иван кухаркин сын - камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович: "Мелко же вы плаваете! Пойдите, я попробую". Подошел к камню да как двинет его ногою - камень ажно загудел, покатился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырские, по стенам висит сбруя ратная: есть на чем добрым молодцам разгуляться! Тотчас побежали они к царю и стали проситься: "Государь батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать". Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царем простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зеленым лугам, и приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо - повертывается. "Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести". Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку - на печке лежит баба-яга костяная нога, из угла в угол, нос в потолок. "Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится". - "Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы? Я добренько скажу". Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко: "Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?" - "Едем мы, бабушка, на' реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живет". - "Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покати".

Братья переночевали у бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в нее - пустехонька, и вздумали тут остановиться. Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович: "Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожкою; давайте по очереди на дозор ходить". Кинули жеребий - доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую - Ивану кухаркину сыну, а третью - Ивану Быковичу.

Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за' полночь - он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост. Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали - выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое: "Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, ошетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, еще не родился, а коли родился - так на войну не сгодился: я его на одну руку посажу, другой прихлопну - только мокренько будет!"

Выскочил Иван Быкович: "Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра молодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится". Вот сошлись они - поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы. "Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху". - "Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем". Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду и последние головы, взял туловище - рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич. "Ну что, не видал ли чего?" - "Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала".

На другую ночь отправился на дозор Иван кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за' полночь - он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост. Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались - выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорта по ушам: "Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете,

что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился - так на войну не сгодился: я его одним пальцем убью!"

Выскочил Иван Быкович: "Погоди - не хвались, прежде богу помолись, руки умой да за дело примись! Еще неведомо - чья возьмет!" Как махнет богатырь своим острым мечом раз-два, так и снес у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил - по колена его в сыру землю вогнал. Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище - рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил. Наутро приходит Иван кухаркин сын. "Что, брат, не видал ли за' ночь чего?" - "Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!" Иван Быкович повел братьев под калиновый мост, показал им на мертвые головы и стал стыдить: "Эх вы, сони; где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать".

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям: "Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит - ладно дело, если полна миска набежит - все ничего, а если через край польет - тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне".

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за' полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались - выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива - золотые. Едет чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт оцетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорта по ушам: "Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился - так на войну не сгодился; я только дуну - его и праху не останется!"

Выскочил Иван Быкович: "Погоди - не хвались, прежде богу помолись!" - "А, ты здесь! Зачем пришел?" - "На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать". - "Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!" Отвечает Иван Быкович: "Я пришел с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать". Размахнулся своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, черкнул по ним своим огненным пальцем - и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали! Плохо

пришлось Ивану Быковичу; чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю. "Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замирение делают; а мы с тобой ужли будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трех раз".

Чудо-юдо согласился; Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильнее прежнего и срубил чуду-юду шесть голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем - и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по' пояс в сыру землю. Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья все спят, ничего не слышат. В третий раз размахнулся он еще сильнее и срубил чуду-юду девять голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем - головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи. Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по бревнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули - кровь из миски через край льется, а богатырский конь громко ржет да с цепей рвется. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помощь спешат. "А! - говорит чудо-юдо, - ты обманом живешь; у тебя помочь есть". Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами; а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсек чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы, сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал все в реку Смородину. Прибегают братья. "Эй вы, сони! - говорит Иван Быкович. - Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился".

Поутру ранешенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, посыпала зернышков и стала сказывать: "Воробышек-воробей! Ты прилетел зернышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьев моих извел". - "Не горюй, матушка! Мы ему за все отплатим", - говорят чудо-юдовы жены. "Вот я, - говорит меньшая, - напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвет - тот сейчас лопнет". - "А я, - говорит середняя, - напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмется - того я утоплю". - "А я, - говорит старшая, - сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою; кто на кроватке ляжет - тот огнем сгорит".

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем. Собрались три брата и поехали домой. Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь - стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван кухаркин сын пустились было яблочки рвать, да Иван Быкович наперед заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест - только кровь брызжет! То же сделал он и с колодезем и с золотою кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жены. Как проведала о том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Ивану Быковичу: "Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню". Иван Быкович вынул червонец и подает старухе; она не берется за деньги, а берет его за руку и вмиг с ним исчезла. Братья оглянулись - нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу - старому старику: "На' тебе, - говорит, - нашего погубителя!" Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать: "Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы черные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?" Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул: "Ай да молодец Ванюша! Дак это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?" - "Твоя воля, что хочешь, то и делай; я на все готов". - "Ну да что много толковать, ведь детей не поднять; сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое государство и достань мне царицу золотые кудри; я хочу на ней жениться".

Иван Быкович про себя подумал: "Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне, молодцу!" А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась. "Вот тебе, Ванюша, дубинка, - говорит старик, - ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: выйди, корабль! выйди, корабль! выйди, корабль! Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую". Иван Быкович пришел к дубу, ударяет в него дубинкою бесчисленное число раз и приказывает: "Все, что есть, выходи!" Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул: "Все за мной!" - и поехал в путь-дорогу. Отъехав немного, оглянулся назад - и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все его хвалят, все благодарят.

Подъезжает к нему старичок в лодке: "Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи". - "А ты что умеешь?" - "Умею, батюшка, хлеб есть". Иван Быкович сказал: "Фу, пропасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад". Подъезжает в лодке другой старичок: "Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой". - "А ты что умеешь?" - "Умею, батюшка, вино-пиво пить". - "Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль". Подъезжает третий старичок: "Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня". - "Говори: что умеешь?" - "Я, батюшка, умею в бане париться". - "Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!" Взял на корабль и этого; а тут еще лодка подъехала; говорит четвертый старичок: "Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи". - "Да ты кто такой?" - "Я, батюшка, звездочет". - "Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем". Принял четвертого, просится пятый старичок. "Прах вас возьми! Куды мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?" - "Я, батюшка, умею ершом плавать". - "Ну, милости просим!"

Вот поехали они за царицей золотые кудри. Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно сведали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчетное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива; удивляется и спрашивает: "Что б это значило?" - "Это все для тебя наготовлено". - "Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить". Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать: "Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть разумеет?" Отзываются Обьедайло да Опивайло: "Мы, батюшка! Наше дело ребячье". - "А ну, принимайтесь за работу!" Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваемы, а целыми возами. Все приел и ну кричать: "Мало хлеба; давайте еще!" Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, все выпил и бочки проглотил: "Мало! - кричит. - Подавайте еще!" Засуетилась прислуга, бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина не достало.

А царица золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять верст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться; он увидел, что от бани огнем пышет, и говорит: "Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!" Тут ему опять вспомнилось: "Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?" Подбежал старик: "Я, батюшка! Мое дело ребячье". Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул - вся баня остыла, а в углах снег лежит. "Ох, батюшки, замерз, топите еще три года!" - кричит старик что есть мочи. Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замерзла; а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу

золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала.

Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжело - ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела на' небо. "Ну, - говорит Иван Быкович, - совсем пропала!" Потом вспомнил: "Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочет?" - "Я, батюшка! Мое дело ребячье", - отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездой, полетел на' небо и стал считать звезды; одну нашел лишнюю и ну толкать ее! Сорвалась звездочка с своего места, быстро покатила по небу, упала на корабль и обернулась царицею золотые кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. "Ну, теперь пропала!" - думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать: "Ты, что ль, горазд ершом плавать?" - "Я, батюшка, мое дело ребячье!" - ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукою и давай ее под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею золотые кудри. Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к чудо-юдову отцу.

Приехал к нему с царицею золотые кудри; тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы черные. Глянул на царицу и говорит: "Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпускаю". - "Нет, погоди, - отвечает Иван Быкович, - не подумавши сказал!" - "А что?" - "Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жердочка; кто по жердочке пройдет, тот за себя и царицу возьмет". - "Ладно, Ванюша! Ступай ты наперед". Иван Быкович пошел по жердочке, а царица золотые кудри про себя говорит: "Легче пуху лебединого пройди!" Иван Быкович прошел - и жердочка не погнулась; а старый старик пошел - только на середину ступил, так и полетел в яму.

Иван Быкович взял царицу золотые кудри и воротился домой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется: "Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!" На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча'. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!